

П. В. Седов

**Практика взаимодействия монастырских властей
с «добрыми людьми» в Москве
во второй половине XVII в.
(по материалам Антониево-Сийского монастыря)**

В отписках из столицы и в приходе-расходных книгах монастырские старцы и стряпчие московских подворий именовали своих вкладчиков и иных покровителей «добрыми людьми» или «добродеями». С ними советовались, у них искали заступничества в приказных делах.

Среди документов Антониева-Сийского монастыря отложились приходе-расходные книги московских подворий этой обители. В них в систематическом виде зафиксированы траты на подношения в столице архиереям, думным и приказным людям, вкладчикам, а также упомянуты различные обстоятельства политической и придворной жизни, важные для истории и культуры XVII столетия.

Подношения значимым для монастырских властей чиновникам и вкладчикам, их ответные дары были в духе того времени: они символизировали благословение, напоминали о «приятстве» — важном условии отношений между людьми во все времена.

Сведения о таких раздачах фиксировались либо в росписях (черновых и беловых), либо в особых приходе-расходных книгах. Иногда роспись предыдущего года использовалась в качестве черновика при раздаче благословения на текущий год, и тогда против имени получателя ставился крыж или помета «дано».

Крупные монастыри ежегодно раздавали в столице иконы, хлеба и капусту в Великий пост, а те обители, которые имели соляные варницы и рыбные ловли, — еще соль и рыбу. «Мелкой» раздачей

были также деревянные ложки, костяные гребни, в том числе и до-
рогие — с золотом.

Рассмотрим практику таких подношений во второй половине XVII в. (1651–1699 гг.) по материалам Антониево-Сийского монастыря. В статье учтена 21 приходо-расходная книга «московской посылки» и «московской роздачи» из фондов этого монастыря в РГАДА и Архиве СПбИИ РАН.

Зафиксированные в приходо-расходных книгах обстоятельства подношений, мотивы выбора того или иного лица служили своего рода отчетом перед монастырскими властями о потраченных материальных ценностях. Данные источники дают исследователю возможность вместе с сийскими монахами как бы пройти по подворьям высших иерархов церкви, по дворам столичной знати, приказных людей и вкладчиков, представить выразительную картину отношений между начальником и челобитчиком, монашеской братией с вкладчиками и иными «христороубцами» и «добрыми людьми».

Связи представителей Антониева-Сийского монастыря в столичной среде неуклонно расширялись на протяжении второй половины XVII в. Торговля поташом через Вологду и Архангельск создала устойчивые связи монастыря с боярским кланом Б. И. Морозова, а затем и с его ставленником Ильей Даниловичем Милославским, который жил на дворе Бориса Ивановича Морозов выдал за царя дочь своего «держальника» — Марию Ильиничну Милославскую, — а затем женился на ее родной сестре Анне.

Морозовы и Милославские были основными покровителями Сийского монастыря, вслед за ними вкладчиками этой обители стали и другие думные люди, примыкавшие к клану Морозовых–Милославских. В приходо-расходной книге «московской службы» 1651 г. слуги Михаила Тиханова мало сведений о контактах с думными людьми. Единственная запись подобного рода относится к найму извозчика для поездки в подмосковные села Покровское и Коломенское, куда Тиханов ездил «бить челом государю и с отписками к бояром о всяких монастырских делах»¹. Круг его забот был ограничен приказными подьячими, которых он почтил подношениями по разным случаям, в том числе на Пасху, раздавая им «в почесть за яйцо» кому полтину, а иным по 10–30 коп.²

¹ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 28. Л. 9 об.

² Там же. Л. 5 об.–6.

Когда к Петрову дню из монастыря приехали справчие подьячие Новгородской четверти Евстрат Иванов и Двинского стола Сыскного приказа Иван Семенов, то монастырский слуга поднес им двоим полтину «для бережения всяких монастырских дел в почесть за петровского борана»³. Перед нами факты своего рода монетизации традиционной «почести» подьячим, которые, как видим, предпочитали получить от сотен челобитчиков не очередное пасхальное яйцо, а деньги.

Более информативна книга московской службы сийского старца Захария 1652 г. По приезде в Москву 12 августа он был на благословении у патриарха и новгородского митрополита, которым ударил челом окладными образами и пирогами. По обычаю вслед за тем следовало навестить патриарших слуг. Здесь практиковали подношения иного рода. Старец Захарий купил за 2 руб. четыре ефимка. Два ефимка он поднес келейнику патриарха черному дьякону Сергию и столько же патриаршему стряпчему Ивану Калташову «на оклад» к образу чудотворца Антония⁴. Надо думать, у патриарших слуг уже были иконы патрона Антониева-Сийского монастыря и им вместо образа просто поднесли ефимки. При этом были соблюдены приличия: русские деньги заменили на ефимки, которые, как правило, и использовали на серебряные оклады к иконам.

Затем старец Захарий стал обходить дворы самых влиятельных бояр. Самый дорогой пирог за 18 коп. он отнес боярину князю Юрию Алексеевичу Долгорукову⁵. В 1649–1652 гг. Долгоруков возглавлял Пушкарский и Сыскной приказы⁶ и руководил «посадским строением», одна из задач которого состояла в изъятии у монастырей дворов в городах и возвращении их в посад. Сийского старца интересовал в первую очередь Пушкарский приказ, где почему-то разбиралось дело о приписке Кривицкого, Покровского и Лявлинского монастырей к Антониево-Сийскому. Поэтому далее старец Захарий явился на двор дьяка Пушкарского приказа Григория Одинцова и дал ему «от дел рубль денег», а подьячему того же приказа Тимофею Миткову, «что выписывал из Уложения под

³ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 28. Л. 10.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 19. Л. 5–5 об.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ *Богоявленский С. К.* Московский приказной аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006. С. 137, 186.

кривецкую выписку для указа», — полтину, а затем за грамоту «от sprawy» и «от письма» — еще рубль⁷. Любопытна запись о хлопотах сийского старца при посылке царской грамоты на Двину «для указа, как тот Лявлин монастырь отведен за Сийский монастырь; и тое грамоту носил пристав к печати и воск положил, и от того ему дано четыре денги»⁸. Это традиционная «почесть», именуемая «восковое», которую сверх государевой пошрины в 75 коп. от прикладывания печати следовало дать тем, кто реально скреплял грамоту восковой печатью.

Такой же дорогой пирог, как и боярину кн. Ю. А. Долгорукому, сийский старец отнес думному дьяку Михаилу Волошенинову⁹, который сидел в Новгородской четверти¹⁰, где разбирались другие дела Антониева-Сийского монастыря. Среди прочих подношений находим дачи «придверного» мелким слугам, которые пускали челобитчиков в приказы: келейным истопникам патриарха и сторожам Пушкарского приказа¹¹.

В декабре 1652 г. в Москву поехал игумен Антониево-Сийского монастыря со старцем Авраимом. По дороге, в Вологде, они купили «ложек и ковшов репчатых, да стопок прямизенных в подарки к Москве» на 5 руб. 90 коп., а уже в Москве — «вощанок под святыню»¹². По-видимому, игумен обошел дворы многих влиятельных людей и значимых приказных: в столице заказали 15 икон «в раздачу», 11 из них были обложены золотом и серебром. Окладные иконы предназначались царю и членам его семьи (семь образов), патриарху, боярину Илье Даниловичу Милославскому, дьяку Лариону Лопухину и думному дьяку Михаилу Волошенинову, образа без оклада — боярам кн. Ю. А. Долгорукову, Н. И. Романову, Б. И. Морозову, дьяку Григорию Одинцову и некоему Матвею Дьяконову. По обычаю приказным развозили рыбу и кормили их на монастырском подворье, но взамен могли просто почтить деньгами «на рыбу и за столы»: так поступили с четырьмя сторожами приказа

⁷ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. Д. 19. Л. 6 об.–7.

⁸ Там же. Л. 8–8 об.

⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰ В 1650–1667 гг. Новгородская четверть была подведомственна Посольскому приказу (*Богоявленский С. К. Московский приказный аппарат ... С. 105, 132*).

¹¹ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. Д. 19. Л. 9 об.

¹² Там же. Оп. 4. Д. 44. Л. 1 об., 3 об.–4.

Сыскных дел, восемью сторожами Новгородской четверти и Посольского приказа¹³.

Приходо-расходная книга «московской службы» старца Серапиона Матигорца 1656 г. зафиксировала более широкий круг думных и приказных людей столицы, которым власти Антониева-Сийского монастыря ежегодно подносили святую воду, пироги, рыбу и прочие гостинцы. Серапион посетил патриарха, бояр Б. И. Морозова, И. Д. Милославского, окольного Б. И. Пушкина, думных дьяков А. Иванова, Л. Лопухина, келаря Чудова монастыря «великого старца» Захария, 10 дьяков и 18 подъячих¹⁴. Среди последних отметим справчего подъячего Двинского стола Новгородской четверти Кондратия Минина, который ведал дела Антониева-Сийского монастыря и приходился родственником главному покровителю обители — Пасию Сийскому. Паисий был постриженником монастыря, а затем — казначеем патриарха. Таким образом, сийские власти добились назначения нужного им приказного на ключевой для них пост.

В 1659 г. в Москву приехал старец Феодосий Лебедев. Сведения о его контактах со столичными вкладчиками сохранились во вкладной книге монастыря. Боярин Б. И. Морозов дал по своим родителям вклад 60 руб., а московский дворянин Р. Ф. Боборыкин — 50 руб. «Заступлением» боярина И. Д. Милославского монастырь избежал крупного платежа в казну — 924 руб.¹⁵

После смерти Б. И. Морозова в 1661 г. становится очевидной роль Милославских как главных вкладчиков Антониева-Сийского монастыря. Еще в 1660 г. И. Д. Милославский пожаловал в обитель 40 икон и прутовое железо — всего «за 500 рублей вкладом», в 1661 г. — «покров, вышит Антоней чудотворец золотом и серебром, вверху Троица Живоначальная», а в 1668 г. — 200 руб. по своей дочери Анне, вдове боярина Б. И. Морозова¹⁶.

¹³ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 44. Л. 4 об.–5.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 37. Л. 7–8, 15–24 об. — Окольный Б. И. Пушкин только что вернулся в столицу после воеводства на Двине (1652–1656), и его почтили в Москве по старой памяти (*Барсуков А. П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия : по напечатанным правительственным актам. М., 2010. С. 82). — Сведений о том, что он стал вкладчиком Антониева-Сийского монастыря, не сохранилось.

¹⁵ *Изюмов А. Ф.* Вкладные книги Антониева Сийского монастыря 1576–1694 (7084–7202 гг.) // ЧОИДР. М., 1917. Кн. 2. С. 50 (Отд. 1).

¹⁶ *Изюмов А. Ф.* Вкладные книги Антониева Сийского монастыря ... С. 51–52, 66.

Женщины семьи Милославских тоже стали вкладчицами Антониева-Сийского монастыря. Обе жены боярина И. Д. Милославского имели светлицы, производившие замечательные образцы лицевого шитья¹⁷. Вторая жена боярина — Ксения Ивановна — в 1661 г. вложила в Антониев-Сийский монастырь покров на гроб преподобного Антония. Ей же, по-видимому, принадлежит исполнение двух набедренников (с изображением на одном пророка Ильи и преподобного Антония, а на другом — Благовещения) и пелены (с изображением Алексея, человека Божия и Марии Египетской — небесных покровителей царя и царицы), которые боярин Илья Данилович вложил в монастырь в 1662–1664 гг.¹⁸

Женщины клана Милославских второй половины XVII в. усердно трудились над созданием высокохудожественных церковных облачений. Особенно славилась светлица жены боярина И. Б. Милославского — Дарьи Прохоровны¹⁹. В 1692 г. она вложила покровец и воздух в Преображенский собор в Холмогорах²⁰. Таким образом,

¹⁷ Первая жена боярина И. Д. Милославского — Екатерина Федоровна, урожденная Нарбекова — в 1651 г. вложила в церковь за Тверскими воротами по своей матери Анне и всех родителях три покрыва с высокохудожественным лицевым шитьем (*Косицына М. Ю.* Лицевое шитье XVII века из княжеских и боярских светлиц в собрании музея «Новодевичий монастырь» // *Древнерусское художественное шитье.* М., 1995. С. 115–119. (Материалы и исследования / Гос. ист.-культур. музей-заповедник «Московский Кремль»; 10). — В 1650–1655 гг. она же вложила в Калязин монастырь по своим отцу и брате многочисленные церковные облачения, шитые золотом и серебром («Кормовая книга» Калязина монастыря / с предисл. И. А. Иванова. Тверь, 1892. С. 14–16).

¹⁸ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. Д. 84. Л. 3 об.; *Соломина В. П.* Древнерусское шитье в собрании Архангельского областного краеведческого музея : каталог. Архангельск, 1982. № 8–10.

¹⁹ *Забелин И. Е.* Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 2001. С. 556. ([Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.]; т. 2).

²⁰ *Соломина В. П.* Древнерусское шитье ... № 18. — В светлице первой жены боярина И. М. Милославского — Александры Кузьминичны — в 1664 г. был изготовлен покров на раку преподобного Нила в Столбенский монастырь (Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея / авт.-сост. Т. Манушина. М., 1983. С. 81–83). — Мастерская жены боярина И. Д. Милославского — Екатерины Федоровны — также отличалась искусно подобранной цветовой гаммой и тщательностью исполнения лицевого шитья (*Косицына М. Ю.* Лицевое шитье XVII века ... С. 115–119). — В 1650–1654 гг. она вложила богато расшитые церковные облачения по своим родственникам в Калязин монастырь («Кормовая книга» Калязина монастыря. С. 16).

жены монастырских вкладчиков на протяжении многих лет исполнения обеты по созданию церковных облачений поддерживали глубокую связь с родными обителями.

Выгодным для монастыря стало назначение на двинское воеводство стольника И. Б. Милославского (1659–1653)²¹. После возвращения в Москву он вошел в число монастырских вкладчиков и в 1662 г. вложил в монастырь богато украшенное церковное облачение, подробно описанное во вкладной книге. В 1673 г. окольный И. М. Милославский сделал вклад 100 руб. «по вере своей за себя» и «в поминок» по брате Г. Я. Милославском — 65 четвертей овса и небольшой участок его двора к московскому подворью Антониева-Сийского монастыря²².

Монастырскими вкладчиками становятся близкие к Милославским думцы. В 1661 г. окольный Василий Семенович Волынский сделал в монастырь вклад по своему дяде — боярине С. В. Волынском и по его родителям. В 1663 г. вклад сделал слуга В. С. Волынского. В 1670 г. стольник Михаил Васильев сын Львов, женатый на дочери Б. М. Милославского, «дал вкладом» 25 руб., карабин и пару пистолей, а его жена Ирина Богдановна вложила богато расшитые золотом и серебром бархатные ризы. В 1673 г. вдова боярина И. В. Морозова Стефанида Семеновна положила в монастырь по своему мужу 55 руб.²³

Приходо-расходная книга 1668/69 г. «московской службы» черного попа Перфилия зафиксировала сведения о расширении круга разнообразных связей монастыря в столице. Перфилий надолго обосновался в Москве и озаботился приобретением более удобного подворья. В октябре 1668 г. он «бил челом богоявленскому архимандриту Герасиму, чтоб пожаловал пустил в монастырь пожить», 1 января 1659 г. «перешел из Богоявленского монастыря на новое подворье за Явуские ворота», а через несколько дней «из-за Явуских ворот переехал на подворье к Максиму старцу на Устретенскую». Весной на новом подворье начались строительные работы, здесь упоминаются каменные палаты и «старый погреб». В июле того же года Перфилий «продал старое монастырское дворовое место» дьяку Посольского приказа Василию Тимофееву²⁴.

²¹ Барсуков А. П. Списки городовых воевод ... С. 82.

²² Изюмов А. Ф. Вкладные книги Антониева Сийского монастыря ... С. 49, 69.

²³ Там же. С. 52, 59, 68–69.

²⁴ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 98. Л. 3, 4, 9 об., 10, 22–22 об.

По-видимому, увеличение хлопот в приказах и других поручений от монастырских властей вынуждало перебраться ближе к центру города на более обширный двор с каменной палатой. Новое подворье позволяло звать приказных в гости отведать монастырского угощения.

Важным условием успеха в столице были связи среди думных и приказных людей. Старец Перфилий посетил дьяка Ивана Уварова, когда тот «перешел на новоселье, нес ему хлеб новосельней да пять караваев пшеничных»²⁵. Для подъячих Судного стола Устюжской четверти Афанасия Дмитриева с товарищами на сийском подворье было устроено застолье: «куплено рыбы осетрины, и белужины, и семги, и сигов, и свежие мелкие рыбы в уху, и икры черной и красной, и хлеба, и колачей, и лука, и чеснока, и перцу», а также ведро вина — всего на 2 руб. 3 коп.²⁶ В таких делах важно было знать сиюминутные нужды приказных: подъячому Афанасию Дмитриеву старец отнес «от справы» «косяк мыла костромского» на 70 коп. Впрочем, одним мылом тут было не управиться: ему же поднесли 10 руб. за то, что «делал всякия монастырские дела споможением»²⁷.

Ежегодно на память чудотворца Антония (7 декабря) сийское подворье посещали вкладчики, приказные и иные «христолюбцы». В 1668 г. в тот день на подворье явились «на винную чарку» старцы Божоявленского монастыря, а подъячих Устюжской четверти Перфилий «звал хлеба ести», купив для них снова рыбы и всякой снеди на 1 руб. 47 коп. и полтора ведра вина на 1 руб. 50 коп. По-видимому, на монастырский праздник позвали больше подъячих Устюжской четверти, чем в предыдущий раз. «Назавтрее чудотворцовы памяти оне ж, подьячие, и подьячие Патриарша розряду приходили на винную чарку»; приглашение опохмелиться после праздничного застолья обошлось сийской казне еще в 31 коп.²⁸ Несомненно, что все эти траты окупались затем с лихвой при ведении монастырских дел.

К празднику Рождества Христова Перфилий отнес дьякам Устюжской четверти Афанасию Башмакову и Семену Карево по полсти свинины и гусю, гусей получили и подчиненные им подьячие

²⁵ Там же. Л. 5.

²⁶ Там же. Л. 5 об.

²⁷ Там же. Л. 6, 6 об.

²⁸ Там же. Л. 6 об.–7.

Иван Казаринов, Тимофей Симоновский и Афанасий Дмитриев. А для прочих приказных людей к празднику было куплено ведро вина. 7 января молодые подьячие двух столов Устюжской четверти сами «напрошались винца испить», для них старец купил еще ведро вина, икры и калачей²⁹. Прочих нужных людей, которые на святках не явились на подворье к угощению, Перфилий сам посетил 7 января «с розносом с рыбою, ездил по добрым людям». Приказные заходили на подворье и в следующем месяце: для них было куплено еще ведро вина³⁰.

На Пасху сийское подворье снова ждало гостей: для приказных и «приходящих людей» Перфилий купил «боченку вина», сварил полторы четверти кваса и купил 60 крашенных яиц «на роздачу». Дьяков Устюжской четверти Афанасия Башмакова и Семена Карево, дьяка Ивана Уварова, подьячих разных приказов Перфилий посетил сам с куличами, коврижками, головами сахара, а некоторым особо нужным людям еще дарил подарки — прорезные или слоновые гребни. Весной Перфилий угощал подьячих Устюжской четверти, которые «напрошались на рыбную кулебаку», а затем «на рыбное звено и на чарку винную», поил вином подьячих Новгородской четверти вином, а восемь сторожей того же приказа «кормил» на подворье; дьякам А. Башмакову и С. Карево Перфилий «за петровское нес в почесть по борану»³¹.

Ежегодные подношения приказным со временем превращались в традицию: двое подьячих, которые были «в отсылке», когда от сийских властей развозили рыбу, получили свою долю по возвращении с пояснением, что им прежде была «рыба ношена»³².

Приходо-расходные записи Сийского монастыря содержат сведения о взаимовыгодном сотрудничестве с думными и приказными людьми. В 1669/70 г. старец «московской службы» Илларион занял деньги у окольничего И. М. Милославского — 50 руб. и дважды у патриаршего дьяка Ивана Уваровича Калитина — 100 и 20 руб.³³

Подьячих иногда сажали на цепь в приказе, чтобы они в кратчайший срок исполнили срочную работу. Старец Илларион догадался

²⁹ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 98. Л. 8 об.–9 об.

³⁰ Там же. Л. 10–10 об.

³¹ Там же. Л. 13 об.–15 об., 17–17 об.

³² Там же. Л. 20 об., 21 об.

³³ Там же. Оп. 3. Д. 155. Л. 3–3 об.

прийти к ним на выручку: в сентябре 1669 г. он купил рыбу, «и та рыба, сваря, отнесена в приказ к обеду Новгородские четверти старым подьячим справным Никите Назарьеву да Борису Протопопову с товарищи по их запросу, потому что их ис приказу не выпускали, были скованы, им же куплено и в приказ отнесено хлеба и колачей» и скляница вина³⁴.

Такая услужливость позволяла рассчитывать на ответную благосклонность. Неделю спустя сийский монах ходил к дьяку Новгородской четверти Ивану Степанову с челобитной об отсрочке платежа 440 руб. гостю Алексею Суханову. Дьяку поднесли белорыбицу, четыре стерляди и 30 руб., после чего он удовлетворил монастырскую просьбу. Затем старец Илларион отправился к подьячему Никите Назарьеву, которого только что довелось выручить; ему от того же дела поднесли 12 руб.³⁵

Всякое начальство надлежало почтить подношением загодя, чтобы в нужный момент была возможность обратиться за помощью. В том же сентябре Перфилий посетил стольника Петра Тимофеева сына Измайлова, «как он поезжал к Устюгу на воеводство», а в июле — думного дворянина А. И. Нестерова, когда тот поехал на воеводство в Архангельск³⁶.

Когда подьячий Никита Иванов сын Назарьев «из Царицыны улицы перешел жить в новой двор на Кулишки, ему отнесли пирог» за 20 коп. Еще один пирог отнесли подьячему того же приказа Ивану Вишукову «на новоселье, как он перешел в новой свой двор к нам в соседи»³⁷. Сосед-подьячий самого нужного для монастыря приказа был удачной находкой в монастырских хлопотах. 7 июля старец Илларион поднес стольнику И. С. Большому Хитрово пирог, коврижку и голову сахара, «как он перешел в новые свои хоромы»³⁸.

Однако сколько не умасливай приказных, они не всегда могли или не хотели выполнять просьбы челобитчиков. 10 октября Илларион поехал с тем же делом в село Покровское с челобитной государю, «потому что в приказе от пожданья и от посрочки чинятца изьяны немалые». Тут пришлось задобрить подьячих Челобитного

³⁴ Там же. Л. 4.

³⁵ Там же. Л. 4 об.–5.

³⁶ Там же. Л. 5 об., 18.

³⁷ Там же. Л. 7–7 об.

³⁸ Там же. Л. 17 об.

приказа Федора и Андрея: они «челобитные наши приискивали, которые были подаваны в походех в Покровском селе о доимочных с сала доимочных денгах»³⁹.

За помощью обратились к вкладчику монастыря окольничему В. С. Волинскому: ему отнесли пирог и «два гребня прорезные», «потому что он в монастырских наших делах споможение к приказным людям чинил»⁴⁰.

В те дни монастырское подворье принимало множество людей и старец Илларион купил «в службу колоколчик и вервей, за что звонить, <...> и повешен во дворе у кельи для вести, кто приходит» к воротам⁴¹.

В приказном мире дела вершились заступничеством и покровительством влиятельных людей. 4 декабря старец Илларион поднес думному дворянину Л. Д. Лопухину сахарную голову, «чтоб он пожаловал съездити и поговорить об наших монастырских делах думному Герасиму Семеновичю Дохтурову»; в июне удалось беспошлинно запечатать грамоту в Печатном приказе «заступлением» гостя Семена Горбова к тому же думному дьяку Дохтурову⁴².

На ежегодный монастырский праздник Антония чудотворца 7 декабря ворота монастырского подворья как обычно были открыты: «к обеду для вкладчиков и приказных дьяков, и подьячих, и всяких чинов людей» купили «свежие и просолные рыбы, икры и вязиги, проса, круп грешневых и пшеничные муки на пироги, и семянного масла, и на уксус, и на хрен, и на печеной белой хлеб, и на колачи» — всего было издержано 5 руб. Сверх того, применяясь к вкусам гостей, купили меда «к тем же столам чудотворцовы памяти для Никиты Назарьева, вина и пива он не пил»; множество гостей собрались за столом на подворье: «стол большой окропливали»⁴³.

Следующие дни гости продолжали посещать подворье. 10 декабря «приходили обедать» священник, дьякон и причетники церкви Всех святых, «потому что они праздновали чудотворцу Антонию», старец Кирилло-Белозерского монастыря Иосиф Васильев, молодые подьячие Новгородского приказа и Устюжские четверти, «которые

³⁹ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. Д. 155. Л. 8.

⁴⁰ Там же. Л. 8 об.

⁴¹ Там же. Л. 9 об.

⁴² Там же. Л. 10 об., 17 об.

⁴³ Там же. Л. 10 об.-11.

в праздник чудотворца Антония за теснотою не вместились и не обедали», а также вкладчики Семен Сверчков, Семен Борин «и иные добрые люди»⁴⁴. На Рождество 1669 г. приходил Христа славить сын патриаршего дьяка И. У. Калитина Алексей и племянник некоей Арины Григорьевны⁴⁵.

В следующем 1670/1671 г. старец Илларион продолжил свою службу на московском подворье. 8 октября 1670 г. он ходил с пирогом к И. С. Большому Хитрово по случаю пожалования ему думного дворянства⁴⁶. В ноябре, после очередного пожара, Илларион поздравил с новосельем патриаршего дьяка И. У. Калитина и думного дьяка Л. Т. Голосова⁴⁷. 17 декабря в Москву вернулся вкладчик монастыря окольниковый И. Б. Милославский, «как приехал з государевы службы с Волги из Синбирсково». К нему старец явился с пирогом⁴⁸.

В январе 1671 г. в Москву приехал игумен Антониева-Сийского монастыря Феодосий и по обычаю стал посещать вкладчиков и нужных для обители людей. Тогда же были «куплены саласки, в чем розвозить рыба». Игумен ходил к думному дворянину И. И. Чаадаеву с пирогом, а думного дворянина Новгородского приказа И. С. Большого Хитрово почтил подношением 10 червонных золотых «для монастырских дел»⁴⁹.

Сохранился список вкладчиков и благодетелей монастыря, которым в январе была развезена рыба: боярин кн. Ю. И. Ромодановский, боярин И. Б. Милославский, окольниковый И. М. Милославский и В. С. Волинский, судья Новгородского приказа думный дворянин И. С. Большой Хитрово, судья Монастырского приказа думный дворянин С. И. Заборовский, думный дворянин Л. Д. Лопухин, «дворянин и вкладчик» Р. Ф. Боборыкин, думный дворянин И. И. Чаадаев⁵⁰. Все они принадлежали к клану Милославских⁵¹.

В условиях страшного голода 1670–1671 гг., охватившего почти всю страну, сийские власти обратились к богатым вкладчикам за

⁴⁴ Там же. Л. 11–11 об.

⁴⁵ Там же. Л. 14.

⁴⁶ Там же. Оп. 4. Д. 568. Л. 11.

⁴⁷ Там же. Л. 12 об.

⁴⁸ Там же. Л. 14 об.

⁴⁹ Там же. Л. 15 об., 18, 21–21 об.

⁵⁰ Там же. Л. 49–53.

⁵¹ См.: *Седов П. В.* Закат Московского царства : царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 144–145, 277–278.

помощью. В марте 1671 г. «в казну» кн. М. Я. Черкасского они доплатили 200 руб. за «прошлогодную хлебную взятку» в 2000 четвертей ржи⁵².

После брака царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной в январе 1671 г. для монастыря настали трудные времена. Новые царские родственники Нарышкины год за годом оттесняли Милославских, главных вкладчиков Сийского монастыря, на второй план. Теперь было необходимо налаживать отношения с новыми царскими советниками. Сийский старец обложил серебряным окладом образ патрона монастыря и 12 марта явился на поклон к главе нарышкинского клана думному дворянину А. С. Матвееву, «как сказано ему ведать Новгородской приказ»⁵³. Отныне приказные дела оказались в ведении враждебной для Сийского монастыря придворной группировки.

Однако подношения, «приятство» и благословение сийских старцев позволили в итоге уладить дела и с новым начальством. Представителю монастыря удалось решить вопрос о сплавке поташа вкладчика кн. М. Я. Черкасского: А. С. Матвеев, «по выписке, доложу великому государю», велел написать думному дьяку Г. К. Богданову выгодный для сийских монахов приговор, за что думный дьяк получил рубль⁵⁴.

Далее сийские монахи подали в Новгородском приказе челобитную «о вкладчиковых товарных сплавах; о по той челобитной писана выписка заступлением вкладчиков боярина Ивана Богдановича да околничево Ивана Михайловича Милославских». Монастырю удалось добиться разрешения ставить товар вкладчиков на монастырском дворе в Вологде и оттуда сплавлять его к Архангельску. Когда А. С. Матвеев, эту «выписку слушав, приказал дьяку Якову Поздышеву тое выписку пометить, в то время челобитье наше и выписку вологжане посадские челобитчики спорили, и для того дьяк выписку не пометил». Сийский старец поднес дьяку 6 руб., справному подьячему 3 руб. и сумел их убедить выписку пометить и не показывать ее вологодским посадским людям, которые якобы спорили в этом деле «по ненависти»⁵⁵.

⁵² РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 568. Л. 25 об.–26.

⁵³ Там же. Л. 26.

⁵⁴ Там же. Л. 29 об.–30.

⁵⁵ Там же. Л. 32 об.–33 об.

Впрочем, и прежние покровители не оставляли монастырь без внимания. 17 марта «по приказу» игумена Феодосия сийские старцы ходили к думному дворянину И. С. Хитрово «бити челом о советной ево грамоте на Колмогоры к думному Афонасью Ивановичю Нестерову, чтоб к монастырю был милостив». Это послание было написано в доме И. С. Хитрово его слугой, за что тому дали 25 коп.⁵⁶

На Пасху 1671 г. сийские монахи посетили с пшеничными хлебами как А. С. Матвеева, так и его противников при дворе — окольничего В. С. Волынского и думного дворянина И. С. Большого Хитрово — всех тех, от кого зависели дела монастыря в приказах. В то же время «погорел двором» подьячий Никита Назарьев, поэтому пасхальный пшеничный хлеб снесли и ему⁵⁷.

В июле 1671 г. монастырь начал хлопоты в Новгородском приказе о выдаче новой проезжей грамоты, поскольку «на перевозех проезжие грамоты мостовщики и перевозчики слушать не учили и перевозное, и мостовщину учили имать как и со всяких чинов людей емлют». Монастырь хлопотал о подтверждении права не платить эти сборы, включая и наемные подводы, когда на них будут перевозиться монастырские запасы. Дьяк Иван Патрикеев пометил выписку об этом, но без упоминания о наемных подводах. Сийский старец посулил ему 5 руб., но дьяк денег не взял и собрался доложить о посуре своему начальнику А. С. Матвеева. Тогда дело было решено через другого дьяка — Якова Поздышева, который подношение взял⁵⁸. Таким образом, и при новом начальстве власти Сийского монастыря добивались выгодных для себя решений, хотя это и стоило дороже.

Следующая сохранившаяся приходо-расходная книга «московской службы» отразила действия представителя монастыря в столице старца Иллариона с 1 сентября 1672 г. по 1 сентября 1673 г. После рождения царевича Петра 30 мая 1672 г. позиции клана Нарышкиных заметно укрепились: в тот же день царь пожаловал в окольничие отца царицы К. П. Нарышкина и лидера нарышкинской группировки А. С. Матвеева, который превращался в главного советника при государе; думными дворянами стали дядя царицы

⁵⁶ Там же. Л. 28.

⁵⁷ Там же. Л. 36–36 об.

⁵⁸ Там же. Л. 40–41 об.

Ф. П. Нарышкин и дворецкий царицы Натальи Кирилловны А. Н. Лопухин. Усиление Нарышкиных привело к открытым конфликтам с прежними влиятельными придворными — сторонниками Милославских. В августе 1673 г. между А. С. Матвеевым и боярином Б. М. Хитрово во дворце возникла открытая перепалка, сведения о которой дошли даже до датского резидента. Царь определенно встал на сторону А. С. Матвеева⁵⁹.

В такой ситуации Сийский монастырь по-прежнему держался своих прежних покровителей, хотя их стали чаще отсылать из столицы. 30 октября 1672 г. старец Илларион ходил с пирогом к окольному В. С. Волынскому, «как он приехал ис посольства литовского», а 14 марта 1673 г. почтил его же, когда тот «поезжал на воеводство во Псков, на дорогу несен ему пирог»⁶⁰.

1 мая того же года сийские монахи просили окольного И. М. Милославского, «чтоб пожаловал, из двора умершего стольника Григория Яковлевича Милославского к нашему московскому монастырскому двору прибавил земли, потому что наш двор тесен». Окольный Иван Михайлович прислал своего стряпчего «досмотреть» сийское подворье; «и он, стряпчей, у нас обедал». Затем И. М. Милославский «приказал было нам отгородить» часть соседнего двора Г. Я. Милославского, и уже были куплен лес «на столбы и на заплотины», однако стольник Авраам Связев «земли отгородить к нам не дал»⁶¹. 17 ноября сийский монах посетил боярина И. Б. Милославского «как он приехал из Астрахани»⁶². В феврале 1673 г. вдова боярина И. В. Морозова Стефанида Семеновна пожаловала в Сийский монастырь в поминовение умершего супруга 50 руб.⁶³ На Светлой неделе на подворье приходил «Христа славить» сын думного дьяка Лукьяна Голосова, близкого к Милославским. Таким образом, среди «добродеев» монастырю оставались только представители клана Милославских.

⁵⁹ Подробнее см.: Седов П. В. Закат Московского царства. С. 132–135.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 495. Л. 10 об., 24.

⁶¹ Там же. Л. 27–27 об., 29. — Абрам Иванович Связев был приближен царем при Милославских: он ездил в царских ухабничих и дослужился до высокого для неродовитого дворянина чина стольника (ДР. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 396). По-видимому, он был одним из душеприказчиков умершего Г. Я. Милославского и воспротивился уменьению оставшегося после него имущества.

⁶² РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 495. Л. 11 об.

⁶³ Там же. Л. 4.

Другой вопрос, что дела в приказах заставляли обращаться к представителям нарышкинского клана, поскольку Новгородский приказ в то время был подчинен главе Посольского приказа — А. С. Матвееву. Перед дьяками и подьячими Новгородского приказа сийские монахи хлопотали о новой проезжей грамоте для монастыря⁶⁴.

В сентябре 1674 г. старец Илиодор продал монастырский двор в Белом городе в приходе церкви Всех святых на Кулишках члену гостинной сотни Максиму Ильину Твердикову за 380 руб. и переехал на двор монастырского вкладчика подьячего Кондратия Иванова сына Минина⁶⁵.

Приходо-расходная книга сийского подворья в Москве 1675 г. все того же старца Иллариона зафиксировала верность обители своим вкладчикам Милославским. Но вместе с тем в ней отмечено и вынужденное внимание к А. С. Матвееву, который, по словам иностранных дипломатов, превратился к тому времени в своего рода «царька». Когда возникла надобность в деньгах, старец Илларион занял 100 руб. у главного вкладчика монастыря окольничего И. М. Милославского⁶⁶. Однако на Светлой неделе, «как ходили челом ударить к вкладчикам и к приказным, и всяких чинов людям» «с праздничным», первым в списке нужных обители людей значится боярин А. С. Матвеев и только затем боярин И. Б. Милославский, окольничие И. М. Милославский, В. С. Волынский, Л. Д. Лопухин, думные дьяки Г. К. Богданов и Л. И. Иванов. Сийский старец обошел «с праздничным» и нужных приказных: дьяков Новгородского приказа Василия Бобинина, Степана Полкова, Емельяна Украинцева, дьяков Монастырского приказа Пимена Панова и Бориса Ертусланова, дьяков Стрелецкого приказа Федора Кузьмищева и Леонтия Кондрагова. Среди подьячих старец Илларион особо выделил монастырского вкладчика К. И. Минина⁶⁷. По обычаю «почесть» и «приятство»

⁶⁴ Там же. Л. 6–7.

⁶⁵ Там же. Д. 490. Л. 2 об., 7.

⁶⁶ Там же. Оп. 3. Д. 182. Л. 4 об.

⁶⁷ Там же. Л. 11 об.–12 об. — 27 марта 1675 г. К. И. Минину «по ево запросу» сийские старцы отнесли рыбу, а также его племяннику — подьячему Земского приказа Афанасию Фирсову сыну Богданову; К. И. Минин был единственным подьячим, которого «в новый год» 1 сентября 1675 г. «здравствовали» от имени Сийского монастыря. Уезжая из Москвы, ему же передали иконы, оставшиеся после раздачи «приказным начальным и всяких чинов людям» (Там же. Л. 22 об., 34 об.–35, 38–38 об.).

предполагали ответные дары. Думный дворянин Л. Д. Лопухин «пожаловал» на сийское подворье пять четвертей проса, три четверти гороха, полтора четверти пшеничной муки, осмину гречневых круп⁶⁸.

На Троицу и неделю Всех святых сийские старцы купили для «приходящих гостей» свежую рыбу, вязигу, «вандыши во щи», молоко, яйца, тесто, кулебяку, квас, овощи и прочие «харчи»⁶⁹.

Почтение к вкладчикам и приказным окупалось сторицей. В приказе Большого двorca старец Илларион никак не мог добиться подтверждения привилегии получать на Ваге соль и рыбу, а также закупать хлебные и другие припасы на монастырский обиход: «приказные начальники» боярин и оружейничий Б. М. Хитрово и думный дворянин А. С. Хитрово в том «отказывали многое время». Тогда Илларион ходил «о том деле бити челом ко вкладчикам и заступлением и споможением» окольного В. С. Волынского «и иных добрых людей» боярин Б. М. Хитрово распорядился удовлетворить челобитную Сийского монастыря и выдать соответствующую грамоту⁷⁰.

В 1675 г. вошедший в силу боярин А. С. Матвеев добился высылки из столицы своих недругов. Думный дворянин С. И. Заборовский, получив назначение в Белгород разбирать служилых людей, самовольно вернулся в Москву, но по приказу Матвеева был немедленно отправлен обратно⁷¹. В марте 1675 г. служба Заборовского закончилась и он «с Украины к Москве приехал»; сийские монахи встретили его подношением рыбы⁷².

В 1675 г. окольного И. М. Милославского отправили в почетную ссылку на астраханское воеводство⁷³. Уезжая из Москвы он поручил надзирать над своим двором доверенному человеку, которого сийские старцы почтили рыбой среди близких к монастырю людей: «стольнику Андрею Ивановичю Чирикову, которому приказано ведать двор и всякие дела окольного Ивана Михайловича Милославского»⁷⁴.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. Д. 182. Л. 36 об.

⁶⁹ Там же. Л. 14 об.–15.

⁷⁰ Там же. Л. 18 об.–19.

⁷¹ См.: Седов П. В. Закат Московского царства. С. 143.

⁷² РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. Д. 182. Л. 31 об.

⁷³ См.: Седов П. В. Закат Московского царства. С. 143.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 3. Д. 182. Л. 31 об.

Следующая приходо-расходная книга относится к поездке в Мо-скву игумена Феодосия в 1680 г. После приезда игумена в столицу последовали подношения ему от вкладчиков: слуги боярина В. С. Во-лынского «с подачею» явились четыре раза: 3 апреля, на Благовеше-ние, на Пасху и при отъезде в монастырь. В ответ игумен почтил боярина куличом и живой рыбой на Светлой неделе «за милость его, что пожаловал в дом чудотворцов по вере своей ризы, да иные милости его к нам много»⁷⁵.

Слуги боярина И. М. Милославского привезли на подворье «мяс го-вяжих и круп гречневых четь» на Великую Субботу, к Пасхе — ведро вина и бочку пива, а затем еще по четверти солоду и овсяных круп; боярские слуги привели лошадь; при отъезде в монастырь И. М. Ми-лославский прислал игумену «на дорогу рыбы осетрины, белужины и иных обиходов». Со своей стороны игумен на Светлой неделе преподнес боярину кулич и свежую рыбу «за великую к нам ми-лость и заступление в монастырских наших хлопотах»⁷⁶. Сверх то-го, 20 мая И. М. Милославский прислал на сийское подворье ведро вина, осетрину и капусту. На следующий день игумен занял у И. М. Ми-лославского взаймы 200 руб., о чем боярский казначей Семен Тимо-феев сын Риморев выдал соответствующую заемную память за сво-ею печатью. Впрочем, последним монахи остались недовольны: при проверке в деньгах оказалось «недочету» 42 коп. и еще 78 коп. «плохих и медных, которые никуды не годны». Чтобы не ссориться с близким к боярину человеком, монахи не рискнули донести об этом и доложили свои деньги⁷⁷.

Другой вкладчик монастыря — кн. М. Я. Черкасский — прислал по четверти овсяных и гречневых круп, гороху и ведро вина⁷⁸. Думный дьяк В. С. Семенов получил от игумена Феодосия пшенич-ный пирог, «потому что вверху челобитные он помечает»⁷⁹. В мае 1680 г. сменился судья Новгородского приказа: вместо ставленника И. М. Милославского — А. С. Кириллова — был назначен думный дьяк П. Я. Пятово — представитель враждебного тогда Милослав-ским клана Языковых-Лихачевых. Нового судью почтили иконой

⁷⁵ Там же. Л. 7 об.–8, 9 об., 10 об., 12 об.–13, 30 об.

⁷⁶ Там же. Л. 9–9 об., 10 об., 13, 27 об., 30 об.

⁷⁷ Там же. Оп. 4. Д. 139. Л. 3 об.–4, 22.

⁷⁸ Там же. Л. 19.

⁷⁹ Там же. Л. 18 об.

чудотворца Антония и дали 2 руб. «на оклад» и еще «в бумашке рубль денег, бито челом, чтоб милостив к нам был в монастырских наших хлопотах, потому что в том приказе монастырская наша вотчина ведома»⁸⁰.

В следующем 1681 г. игумен Феодосий снова приехал в Москву. Круг лиц, с которыми настоятель имел дело, был в основном тот же. 7 марта боярин И. М. Милославский заплатил монастырю 270 руб. за 31 130 пудов поташа, который был перевезен из Вологды к Архангельску, и в тот же день монастырь вернул боярину 200 руб., занятых в прошлом году (чтобы слуги правильно пересчитали сумму, им было выдана полтина). За отсрочку платежа игумен подарил боярину прорезной гребень «з золотом». Вкладчики И. М. Милославский и кн. М. Я. Черкасский пожаловали игумену разные хлебные запасы⁸¹. Главе Новгородского приказа боярину В. С. Волынскому сийские старцы отвезли соли на 21 руб. 70 коп. В ответ на Благовещение боярин прислал на подворье пироги и звено осетрины⁸².

В это время в поле зрения сийского настоятеля попали и новые лица. В начале февраля 1681 г. на заседании Думы предложили пожаловать стольника кн. П. И. Хованского в Комнату, но дело ограничилось лишь царской милостивой грамотой ему⁸³. Любопытно, что попавший в царский фавор стольник зафиксирован в расходных записях сийского игумена: Феодосий выплатил ему долг по заемной кабале — 131 руб. с полтиной⁸⁴.

После свадьбы царя Федора Алексеевича с Агафьей Симеоновной Грушецкой 18 июля 1680 г. ситуация при дворе изменилась не в пользу И. М. Милославского: государь запретил ему появляться во дворце и будто бы даже велел спихнуть с лестницы. Среди новых царских приближенных в гору пошли четверо братьев князей Урусовых — свойственников царицы. Среди них боярин кн. Никита Семенович Урусов был обласкан государем как большой любитель партесного пения. В 1681 г. его назначили на воеводство на Двину,

⁸⁰ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 139. Л. 23 об.

⁸¹ Там же. Д. 566. Л. 2, 6 об., 19 об.

⁸² Там же. Л. 3 об., 18.

⁸³ См.: Седов П. В. Закат Московского царства. С. 364.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 566. Л. 3 об.

почему игумен почел необходимым посетить нового царского любимца и поднес ему семгу⁸⁵.

12 октября 1681 г. в Москву приехал старец Сийского монастыря Герасим⁸⁶. На следующий день столицу поразил страшный пожар: сгорели Чертолье, Арбат, Никитская и Тверская улицы — всего огнем было уничтожено по разным данным от четырех до пяти тысяч дворов⁸⁷. Сийское подворье едва удалось отстоять, о чем старец Герасим поведал в своих расходных записях. Был отслужен молебен по обещанию, «что свободил Бог преславно от пожару, вынес икону Антония чудотворца на бумаги воображен, сиречь напечатан, кольский строитель Пахомей и противу огня стал с нею, учал молитца, и обещались молебен пети; и ветром пламя прочь поворотило, от самой стены нашего сийского подворья». Впрочем монастырский двор все же сильно пострадал: «от пожару разорен, только одне стены остались»⁸⁸.

Старец Герасим посетил боярина И. М. Милославского, которому рассказал «о монастырских нуждах и приказных волокитах, что в три приказу одних денег спрашивают, убытчат и волочат и о иных всяких нуждах, чтоб пожаловал спомошен был и милостив, и он жаловал рекся радеть». При посещении своего патрона сийский старец не забыл поднести пирог и его казначею С. Т. Римореву, «чтоб пожаловал б спомошен и заступен к боярину о наших монастырских нуждах и дал б руку споможения». По обычаю затем от И. М. Милославского дважды приходили «с подачею»⁸⁹. Сетования на то, что сийских старцев теперь холодно встречали в приказах понятны: И. М. Милославский потерял свое былое влияние и на представителя патронируемого им монастыря смотрели без прежнего уважения.

Приходилось искать новых заступников: «по игуменской отписки з братьею ходили Кирилова монастыря к архимандриту Никите <...>, а ныне он архиепископ»⁹⁰. «Присный» ученик только что

⁸⁵ См.: Седов П. В. Закат Московского царства. С. 358–362, 365, 374, 375; РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 566. Л. 4.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 611. Л. 3.

⁸⁷ См.: Седов П. В. Закат Московского царства. С. 537.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 611. Л. 7–7 об.

⁸⁹ Там же. Л. 4 об.–5.

⁹⁰ Там же. Л. 5.

умершего бывшего патриарха Никона Никита оказался в те дни одним из наиболее влиятельных архиереев: 6 сентября 1681 г. он был произведен из кирилловских архимандритов в архиепископа Коломенского и Каширского, а 6 ноября стал звенигородским епископом и принимал деятельное участие в подготовляемой царем реформе церковной иерархии⁹¹. Старец Герасим посетил и строителя Пертоминской пустыни Михаила Харзеева — «сказано ему быть епископом на Колмогоры»⁹².

Искали милости и у вошедшего в силу боярина кн. Ю. С. Урусова. Монастырский вкладчик и покровитель, казначей патриарха Паисий попросил князя о заступничестве, «потому что ему князь Юрье Семенович советен; и отец Паисий пожаловал, радя Сийскому, того дела построил нарочно стол, звал князь Юрье Семеновича к себе в гости и о заступлении Сийского монастыря ему бил челом». Паисий просил гостя написать брату — холмогорскому воеводе кн. Н. С. Урусову — быть «добрым» к монастырю, что тот и исполнил⁹³.

Особое беспокойство сийских властей вызвало решение церковного собора 1681–1682 гг. значительно увеличить число епархий, а новых архиереев разместить в монастырях: «По царскому изволу указано новым пестрым властем быть по монастырем, и в Сийском». Герасим ходатайствовал перед патриархом, «что быть пестрой власти в Сийском монастыре за утеснение неместно, под монастырем островок невелик, понужды ставят и кельи на воде, гораздо тесно»⁹⁴.

В 1681 г. на память чудотворца Антония монастырский вкладчик, патриарший казначей старец Паисий «строил стол вместо отца игумена з братьею по вере и любви радя святому дому обещания своего». В первый день звали к столу домовых патриарха: архимандрита Никифора, ризничего иеродьякона Иакинфа, сенных иеромонахов, иеродьяконов, конюшого и прочих монахов — «Кирилла грека и иных». На второй день пригласили боярина кн. Ю. С. Урусова

⁹¹ См.: Седов П. В. Закат Московского царства. С. 431, 434, 439, 451.

⁹² РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 611. Л. 7 об. — Михаил Харзеев был обласкан царем Федором Алексеевичем, планировавшим превратить Пертоминскую пустынь в центр новой епархии (Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 : (XVII в.), ч. 3. С. 465–467).

⁹³ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 611. Л. 10.

⁹⁴ Там же. Л. 10 об.–11.

«и прочих с ним в тот день». Боярин обещал построить в Сийский монастырь стихарь по умершем дьяке Ташлыкове, что затем и исполнил. В третий день потчевали дьяков, на четвертый — подьячих Казенного приказа, которых упрашивали подождать с уплатой заемных 800 руб. Всех гостей старец Паисий «подчивал из своих рук, поил и кормил до изволу»⁹⁵.

Главный покровитель обители боярин И. М. Милославский не смог посетить сийское подворье, потому что «о тех порях скорбел». Поэтому старец Герасим сам явился к патрону монастыря и просил его написать письмо холмогорскому воеводе кн. Н. С. Урусову о заступничестве⁹⁶.

15 февраля 1682 г. состоялась вторая царская свадьба: «Перед государскою всемирною радостью дядюшки государыни царицы Марфы Матвеевны — Стефану Богдановичю Ловчикову несено рыб свежих поварня»⁹⁷.

Следующая приходо-расходная книга «московской посылки» составлена соборным старцем Варфоломеем. Он приехал в Москву 26 февраля 1682 г. с монастырской рыбой для раздачи ее вкладчикам⁹⁸. На этот раз рыба была поднесена более широкому, чем обычно, кругу лиц. Первыми в списке оказались «старые» бояре князя Н. И. и Я. Н. Одоевские, Ю. А. и М. Ю. Долгорукие⁹⁹. Этот факт свидетельствует в пользу того, что признанные лидеры Думы в последние месяцы царствования Федора Алексеевича воспринимались как важнейшие и влиятельные думцы. Никого из клана Языковых-Лихачевых, а также из нарышкинского клана в списке Сийского монастыря нет. По-видимому, сийские власти даже и не помышляли обращаться к непримиримым врагам своих основных покровителей.

Далее в списке получивших монастырскую рыбу числятся главные вкладчики обители: бояре кн. М. Я. Черкасский, И. М. Милославский и В. С. Волынский. Ко кн. Ю. С. Урусову, недавно ставшему вкладчиком, ходили бить челом, «чтоб пожаловал отписал на

⁹⁵ Там же. Л. 11 об.–12, 15.

⁹⁶ Там же. Л. 12.

⁹⁷ Там же. Л. 14–14 об.

⁹⁸ Там же. Д. 603. Л. 5.

⁹⁹ Там же. Л. 32 об.–33.

Двину к брату своему» боярину кн. Н. С. Урусову «советную грамоту» о заступничестве¹⁰⁰.

По текущему делу в Рейтарском приказе посетили думного дворянина В. А. Змеева «о невершении рейтарского нашего дела». Как и в предыдущий раз подношения удостоился дядя царицы Марфы Матвеевны стольник С. Б. Ловчиков¹⁰¹.

Впервые в списке важных для Сийского монастыря персон находим «патриарша двора приказного» Ивана Федорова сына Лызлова, которому поднесли икону на золоте и пуд семги¹⁰². Поднесение иконы означает, что монастырь впервые обращался к нему за покровительством. И. Ф. Лызлов не был случайным для монастыря человеком: он прошел путь от «приказного дворянина» кн. М. Я. Черкасского до царского стряпчего, патриаршего боярина и царского думного дворянина. Его родной брат Андрей в 1681 г. по приказу патриарха писал возражение на проект боярина И. М. Языкова об учреждении в России чина папы (на это место прочили бывшего патриарха Никона), в результате чего патриарх Иоаким стал бы подчиненным нового главы церкви¹⁰³. В очередной раз сийские старцы обращались к тем, кто выступал против придворной группировки Языковых-Лихачевых.

Не были забыты и два думных дьяка — Л. И. Иванов и А. Т. Зыков. Последнего почтили «за ево милостивое к дому чудотворцову приятство, что пожаловал, пометил вверху на выписке нашей дать грамота о пропуске на заставах с промышленною монастырскою рыбою»¹⁰⁴. А. Т. Зыков был думным дьяком созданного в 1680 г. высшего правосудного органа страны — Расправной палаты, и его милости добивались многие челобитчики. Родной брат Афанасия Тимофеевича — стольник Федор — был верным подручным боярина И. М. Милославского. Именно Ф. Т. Зыков «извещал словесно» в чернокнижии на боярина А. С. Матвеева в декабре 1676 г. С того извета начался колдовской процесс против всей нарышкинской группировки, закончившийся ссылкой А. С. Матвеева и почти всех Нарышкиных¹⁰⁵.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 603. Л. 33–33 об.

¹⁰¹ Там же. Л. 34.

¹⁰² Там же. Л. 34 об.

¹⁰³ См.: Седов П. В. Закат Московского царства. С. 102–103, 106, 427, 477.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 603. Л. 34 об.

¹⁰⁵ См.: Седов П. В. Закат Московского царства. С. 261–262.

Таким образом, подношения сийских старцев в Москве зимой 1682 г. позволяют выделить тех, кто примыкал к Милославским и их ближайшим сторонникам. И. М. Милославский оставался основным покровителем обители в столице, к нему часто ходили за советом и помощью, почему боярскому слуге поднесли рыбу, «что докладывает боярину, когда мы приходим о чем бити челом». И. М. Милославский прислал на монастырское подворье сена на корм лошади, а затем ржаной и пшеничной муки, солода, сухарей, круп, гороха, капусты и бочку пива «ведр в пять». По указу боярина состоялась посылка ко вдове гостя Афанасия Федотова сына Долгова. Боярин кн. М. Я. Черкасский прислал на сийское подворье муку и крупы, а к Пасхе бочку пива¹⁰⁶.

На Пасху старец Варфоломей посетил с куличами своих главных покровителей — И. М. Милославского, которому по его «заказу» подарили еще «две гребенки гладкие турецким переводом», С. Т. Римарева — казначея боярина и боярина В. С. Волынского¹⁰⁷. Мелкие подношения — гребни и гребенки, икра и рыжики, сальные свечи, репчатые и простые ложки, стаканы — во множестве разошлись «в почесть» архиереям, думным и приказным людям¹⁰⁸.

Развернутую информацию о подношениях в столице содержит приходо-расходная книга Антониево-Сийского монастыря раздачи рыбы в Москве в 1685/86 г.¹⁰⁹ Она представляет собой значительный перечень (на 22 листах с оборотами) архиереев, думных и приказных людей, других значимых для монастыря лиц, которым в январе 1686 г. была роздана привезенная в столицу монастырская соленая рыба, икра, рыжики и свечи.

Перечень раздач в Москве начинается первой датированной записью 1 января 1686 г. Все последующие подношения не датированы. Текст написан набело одним красивым почерком без помарок и исправлений, по-видимому, с черновика. Можно предположить, что

¹⁰⁶ РГАДА. Ф. 1196. Оп. 4. Д. 603. Л. 45–47.

¹⁰⁷ Там же. Л. 11–11 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 48 об.–49.

¹⁰⁹ Этой приходо-расходной книге посвящена статья: *Восина-Лебедева В. Г.* Рыбные книги Антониево-Сийского монастыря второй половины XVII в. (в печати). Это избавляет от необходимости детально анализировать данный источник и позволяет сосредоточиться исключительно на сюжетах важных для нашего исследования — расширения круга вкладчиков обители.

строгое соблюдение чиновного старшинства в списке не соответствовало действительному порядку развозки. Логично думать, что твердо намеченные к подношению лица, проживавшие по соседству, были почтены сийскими монахами друг за другом, разумеется, за исключением самых важных персон.

Состав подносимых даров был разным и зависел, очевидно, от статуса человека и степени его близости к монастырю. В одних случаях сийские монахи ограничивались лишь поднесением просольной семги, а в других добавляли к ней иную рыбу: палтусину, щуку, судака. Знаком особого расположения было добавление ведерка икры или рыжиков, а самым значимым людям и того, и другого. Многим прибавляли еще по несколько десятков маканых восковых свеч, которые в отличие от более дешевых сальных служили для церковных нужд и воспринимались как благословение святых старцев. Такие свечи могли ставить перед домашними иконами и напоминать о посещении сийских богомольцев.

Длинный список получивших подношения от монастыря открывают церковные иерархи. Первым ожидаемо значится патриарх, к которому «ходили на благословение» и отнесли два пуда соленой семги, крупную щуку, леща, два судака и по ведру икры и рыжиков. Это подношение можно было бы принять за самое щедрое и соразмерить с ним подношения иным лицам. Но, как увидим далее, среди столичного духовенства было лицо, которому досталось куда более щедрое подношение, нежели самому патриарху.

Любопытно, что своему архиерею — новгородскому митрополиту Корнилию — сийские монахи поднесли совсем немного рыбы — всего 23 фунта просольной семги и ничего больше. Зато псковскому митрополиту Маркелу отвезли три пуда соленой палтусины. Повидимому, новгородского владыки не было тогда в Москве и потому подношение ему носило символический характер, в отличие от псковского митрополита, который был вкладчиком монастыря¹¹⁰.

¹¹⁰ Маркел, ставший затем казанским митрополитом, послал в Сийский монастырь «шпанку архимандрическую среброкованую и позлащенную с камнем» (*Изюмов А. Ф.* Вкладные книги Антониева Сийского монастыря. С. 77). — Об образованности и незаурядных талантах Маркела см. также: *Морохин А. В., Устинова И. А.* Смерть патриарха Иоакима и выборы главы Русской православной церкви в 1690 г. // *Российская история.* 2021. № 5. С. 65–68.

После трех церковных иерархов следовали думные люди. В этой среде у сийских монахов присутствовали определенные предпочтения. Десятилетия Антониево-Сийский монастырь был связан с Милославскими, многие из которых являлись вкладчиками обители.

В годы регентства царевны Софьи приезд представителей Антониево-Сийского монастыря в столицу, можно сказать, пришелся ко двору.

Сопоставим перечень думных людей, удостоенных подношениями от Антониево-Сийского монастыря¹¹¹ с полным составом Думы на январь 1686 г.¹¹² Думные люди были пожалованы от монастыря не по степени их влияния, а по их близости к обители. В отличие от раздачи рыбы в 1682 г. сийские власти обошли своим вниманием боярский клан князей Одоевских: кн. Никиту Ивановича, его сына кн. Якова Никитича и внука кн. Василия Федоровича. Эта фамилия занимала самые видные места в Думе: кн. Н. И. Одоевский как первый боярин от имени всей Думы поздравлял государей с Новым годом 1 сентября, а кн. В. Ф. Одоевский был дворецким. Хотя никто из князей Одоевских не был монастырским вкладчиком, их исключение из числа жалуемых рыбой удивительно.

Первым в списке думных людей, к кому следовало подвезти рыбу, значился кн. Михаил Яковлевич Черкасский, ставший главным вкладчиком Антониево-Сийского монастыря после смерти И. М. Милославского¹¹³. Вторым боярином в списке указан «столп» режима регентства кн. В. В. Голицын. В то время он ведал несколькими приказами, в том числе и Новгородским, в котором разбирались дела Антониево-Сийского монастыря. Третьим значился отец царицы Прасковьи Федоровны — Федор Петрович Салтыков. Боярин А. С. Шеин записан с пояснением: «потому что ему приказан Воскресенской монастырь», а боярин кн. И. Б. Троекуров — «для того, что боярыня его покров на гроб чудотворцов шьет промыслом казначея Паисия»¹¹⁴.

¹¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 64. Л. 6–9.

¹¹² *Poe M. T.* The Russian elite in the seventeenth century. Vammala, 2004. Vol. 1. P. 282–286.

¹¹³ Иван Михайлович Милославский умер 26 июля 1685 г. (РГАДА. Ф. 210. Боярские списки. № 24. Л. 1 об.).

¹¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 64. Л. 6–6 об.

В списке находим комнатных думцев: боярина кн. Ю. С. Урусова, который был «советен» покровителю монастыря патриаршему казначею Паисию Сийскому, кравчего царя Петра — боярина кн. Б. А. Голицына, который станет вкладчиком монастыря позднее, и окольного и казначея С. Ф. Толочанова. Сийский старец почтил также подношением деда царя Петра — боярина Л. К. Нарышкина. Любопытно пояснение о том, что окольный В. С. Нарбеков внесен в список «потому, что племянник благоверной царевне Софии Алексеевне». Думный дворянин М. Т. Лихачев удостоился внимания сийских старцев потому что к нему ходили на двор с челобитной «о денгах за сплавку поташную». Близкого к Милославским окольного А. И. Ржевского почтили «за прежнее его благодеяние и за то, что деньги выдал двести рублей в помин души боярина Ивана Михайловича Милославского»¹¹⁵.

Логичным представляется включение в список монастырских «добродеев» патриаршего боярина думного дворянина М. И. Глебова. В документе находим объяснение о том, что окольному И. А. Мусину-Пушкину подношение было сделано «по приказу патриарша казначия монаха Паисея». Среди думных людей в списке находим влиятельных думных дьяков В. Г. Семенова, Е. И. Украинцева и Ф. Л. Шакловитого. После смерти покровителя монастыря боярина И. М. Милославского сийские старцы продолжали поддерживать тесные связи с представителями этой семьи. Они посетили дочь Ивана Михайловича Феодосию и прежнего слугу боярина, а теперь московского дворянина Семена Тимофеева сына Риморева — с пояснением, что его благодарили «что он пожаловал в помяновение жены своей Татьяны Марковны дочери золотых»¹¹⁶.

Таким образом, в 1686 г. сийские власти почтили подношением не всех думных людей, а только тех, кто был связан с Антониево-Сийским монастырем или был особенно важен для помощи обители в столичных делах. При выборе пожалованных прислушивались к советам постриженника монастыря и одного из главных вкладчиков — патриаршего казначея Паисия Сийского. Далее в списке раздачи рыбы перечислены 27 подьячих, а также сторожа, приставы и иные мелкие чины¹¹⁷.

¹¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 64. Л. 6 об.—8.

¹¹⁶ Там же. Л. 8—9, 13 об.—14.

¹¹⁷ Там же. Л. 15—18 об.

Записи в приходе-расходных книгах московских подворий отражали преимущественный интерес представителей монастыря к созданию и укреплению неформальных связей не только внутри своего сословия, но и с думными и приказными людьми. На протяжении второй половины XVII в. сийские старцы наладили в Москве контакты с широким кругом столичных чинов, которые оказывали содействие монастырским властям в их хлопотах. Среди влиятельных московских чинов, а также многочисленных приказных, от которых зависело продвижение конкретных дел, монастырь обретал десятки помощников. Это были вкладчики, их родственники, а также приказные, которые на протяжении многих лет систематически получали от монастыря разнообразные подношения, посещали столичное подворье на церковные праздники. Строитель московского подворья, а иногда и сам архимандрит, потчевали гостей «из своих рук» вином и давали им благословение. Раздача рыбы, соли и иных подношений на сотни рублей ежегодно окупалась затем неопценной помощью в приказных делах.

Приказные находились не только и не столько на содержании казны, сколько на содержании многочисленных челобитчиков. Наряду с зависимостью челобитчика от приказных людей существовала и зависимость дьяков и подьячих от тех, кто содержал их не только традиционной «почестью», но и значительными денежными подношениями.

Получив однажды поддержку приказного при ведении дела, монастырские власти включали его в число получателей ежегодных подношений и тем самым закрепляли возникшие неформальные отношения. На личные связи сийских старцев со многими приказными людьми указывают упоминания их в приходе-расходных книгах по именам. Старец столичного подворья знал в лицо не только многочисленных дьяков и подьячих, но даже и сторожей «верхнего» и «нижнего» крыльца Посольского приказа, которые могли пропустить или не пропустить к начальству.

Значительный объем хмельного, запасаемого на московском подворье как для приказных, так и для думных людей, свидетельствует об их частых посещениях. Во время таких обедов велись беседы как о монастырских нуждах, так и о личных делах «добродеев» монастыря. Поминальная практика скрепляла такие отношения: это уже были не просто чиновники разного ранга, но и вкладчики,

«христолюбцы», которых монахи именовали обобщенным понятием «добрые люди».

В условиях слабости сословий в Московском государстве монастырским властям приходилось отстаивать свои интересы самостоятельно. Неформальные межсословные связи представителей крупных монастырей в Москве компенсировали для них незавершенность процесса становления сословий.